

ФИЛОСОФИЯ

УДК .159.016.1

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-3-05-18

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Болотникова Е. Н.

Аннотация: Актуальность темы тела в философии связана в том числе с ростом количества медицинских инноваций, трансформирующих представление о теле в публичном дискурсе. Технические возможности современной медицины ставят современника перед выбором в ситуациях, ранее не возможных. И эти ситуации затрагивают интересы все большего количества людей. Осуществление выбора предполагает наличие оснований. В тексте производится анализ трансформации образа телесности в истории западной культуры. Тема рассматривается с привлечением философских концепций, медицинских теорий и подходов к телу и здоровью. Анализируется значительный корпус первоисточников и критической литературы, привлекаются исследования как российских и европейских авторов. Произведена историческая реконструкция отношения к телу в публичном пространстве, проанализированы представления о теле и функции тела в социальных практиках. В хронологическом порядке выявлены доминанты отношения к телу в культуре и медицине. Определено, что механистический взгляд на тело в начале XX века уступил место феноменологическому подходу, в котором разговор о теле и телесности ведется в перспективе ответа на вопрос о собственнике тела. Тело предстает как инструмент, ресурс и опора современного индивида.

Ключевые слова: тело, телесность, духовное, субъект, целостность, гармония, собственность.

«Мое тело – мое дело» – эта хлесткая формула бодипозитива в последние годы все чаще звучит в публичном пространстве как обоснование выбора определенной линии поведения во множестве социальных ситуаций, например в отношении репродуктивного здоровья, абортов, вакцинации, образа жизни, донорства etc. Отметим характерную черту названных ситуаций – связь с медициной, что означает необходимость поиска решений не в метафизической, а в практической плоскости. Формула выглядит как последний аргумент, против которого довольно сложно выдвинуть контрдоводы. Вместе с тем, трудно представить такую фразу и фундирующую ее экзистенциальную установку в публичном пространстве в предшествующие эпохи. Что служит основанием такого

высказывания? Какое отношение к телу сделало возможным это утверждение? Чьим делом было тело в предшествующие эпохи? На перекрестках каких ценностных ориентиров, культурных практик, антропологических принципов можно обнаружить фундамент такого высказывания и какие перспективы трансформации индивида и социальной реальности открывает эта установка, воплощенная в практике?

Присмотримся повнимательнее к содержанию этой формулы. Краткость лозунга, эта специфическая черта слоганов, не скрывает, а, наоборот, через повторение выводит на авансцену внимания адресата – «меня», то «Я», которое во-первых, активно, совершает действия, а во-вторых, единолично владеет объектом, над которым или с помощью которого совершаются те или иные действия. Следовательно, в установках индивида, высказывающего эту формулу и/или действующего в соответствии с ней, мы видим: осознание «Я» как эмансипированного «Я», не тождественного телу; осознание тела как объекта, по отношению к которому утверждается дух собственничества; осознание «Я» как собственника тела, имеющего право распоряжаться им по своему усмотрению.

Исходя из этого фундамента попробуем разобраться с тем, какие культурно-исторические обстоятельства, теоретические предпосылки, социальные практики и медицинские подходы привели к формированию такого типа отношений индивида к телу. В фокусе внимания нашего исследования будет тело и отношение к нему в культуре, динамика этих отношений. Гипотеза заключается в том, что отношение к телу как к собственности индивида формируется только в современном обществе и раскрывает уникальность положения современного индивида и его отношений с собственным телом / к телу. Отстраняясь от социально-экономической перспективы заявленной темы, мы планируем сконцентрироваться на ее культурно-антропологических аспектах, имеющих отношение к любому человеку как к индивиду. Адекватным представляется использование комплекса методов: проблематизация тела в культуре, историческая реконструкция отношения к телу в публичном пространстве, критический анализ.

Очерченная область исследовательского интереса в последние годы пополняется множеством публикаций как в европейском, так и в российском научном дискурсе. В частности, ставшие уже классическими исследования Ж. Ле Гоффа [1], энциклопедическое по масштабу трехтомное издание «История тела» под редакцией А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло [2, 3, 4], актуальный абрис телесности как культурного феномена в книге А. Тороповой [5], тема тела как территории технологий в работе О.В. Поповой [6], междисциплинарное исследование проблемы тела, исторически сопровождавшей все дискурсы о власти в работе М. Рахманиновой [7] и др. послужат для нас источниковой базой. Мы также будем опираться на исследования медицинского взгляда на тело и здоровье в целом, которые сконцентрированы в работах А.М. Сточика, С.Н. Затравкина [8], Н.П. Шок [9] и др.

Античность

Тело в Античности представляет собой мощную силу, фактическую материю природы, в которой человек обнаруживает себя в способности существовать в гармонии с природой. По словам А.Ф. Лосева, в Античности «тело есть субстанциальная потенция быть индивидуально нераздельным носителем текуче-сущностного, разнотипно уплотненного становления эйдоса» [10, с. 790]. Тело физическое предстает как материя, то есть возможность, потенциал воплощения, оформленного эйдосом в индивидуальное существование. Более того, тело выступает конститутивным основанием античной культуры, ее произведений, практик и символов. «... Античная культура есть актуальная бесконечность тела», – утверждает А.Ф. Лосев, аргументируя свой тезис обращением к скульптуре, мифологии, поэзии и архитектуре [11, с. 68]. Идеал прекрасного в античной культуре возможен только в воплощенном физическом теле «когда физические стихии гармонируют одна с другой в живом и совершенном человеческом теле, когда принцип общетелесной жизни, который греки называли “душой”, целиком подчиняет себе все телесные “стихии”. Сформированное по такому принципу тело и есть тот идеал. Смотря по тому, как он осуществлен в физических стихиях, возникает самый феномен красоты» [12, с. 77].

В Античности можно обнаружить определенную амбивалентность в отношении к телу. Так, для Платона тело – это своеобразные «оковы души»; как известно, Диоген пренебрегал телесным, не считая его требующим внимания; о двойственности образа тела человека как единства физического и духовного мы читаем у Гиппократов. Но вместе с тем тот же Платон многократно («Протагор», «Тимей», «Государство» и др.) утверждал необходимость телесного, физического совершенствования, сам был прекрасным атлетом и считал здоровое, гармонично развитое тело условием совершенства духовного, душевного.

Беспокойство у Платона вызывала проблема управляемости тела, поскольку именно в теле содержатся источники страстей. Они оказываются губительными, гибельными в случае, когда не подчиняются рациональному, разумному началу человека (метафора с возничим и колесницей). Для того, чтобы рациональное начало управляло телесностью, «держало в узде» страсти, в системах античного образования формировались специальные педагогические практики. Благодаря занятиям в реальных гимназиях и палестрах раскрывались и тренировались телесные способности и возможности человека [13, с. 17–19]. Таким образом фактически преодолевался антропологический дуализм, присущий целому ряду античных философских школ. Саму гармонию в Античности нередко трактовали как «сочетание и совмещение противоположностей» [14, с. 286]. Такая амбивалентность не разрушает общего отношения к телу как микрокосму, в котором воспроизводится порядок макрокосмоса и «принцип общетелесной жизни» включает в себя все имеющиеся оппозиции и противоположности.

Не только в эстетике, социальной практике и теории разрабатывалась тема телесности. Тело и телесность – это область профессиональной врачебной деятельности. Читаем у Платона в «Горгии»: «...в общем служении телу я вижу две части: гимнастику

и медицину. И эти части, взятые вместе, относясь к одному и тому же предмету, находятся во взаимном общении, хотя и отличаются одна от другой» [15, с. 464]. Известно, что галенизм, установившийся в медицине в качестве главенствующего учения вплоть до XVI в., определял человека как психосоматическое единство. Этиология болезней, определение здоровья, рекомендации лекарей того времени направлены на установление баланса, восстановление нарушенной гармонии, о которой, по словам Галена, телу известно благодаря работе какой-то «чувственной способности», поскольку оно способно распознавать, привлекая к себе подходящее и отвергая чуждое [16, с. 306]. Как отмечает Б. Килборн, первоначальный смысл правила Гиппократов «Не навреди» означал, что врач должен знать, как использовать природу и позволять ей исцелять [17, с. 33]. Любое негативное изменение в теле: заболевание, болезнь, недомогание и т. д., – есть нарушение естественной природной гармонии, порядка, баланса сил природы. Отсюда следует, что целостность тела и его гармоничное функционирование – условия полноценного существования человека и возможности тела выполнять свое предназначение.

Обратим внимание на то, что в фокусе внимания медицины не только физические характеристики тела: «...Телесные болезни... могут быть излечены только с помощью сочетания медицинских и духовных методов воздействия» – резюмирует взгляды Галена на болезнь историк Н.П. Шок [9, с. 16]. Задумываясь о том, что делает человека человеком, что делает его живым, от кого и чего он получает эту способность Гален указывает, что «душа есть несомненно», но в какой форме и месте, каким способом она существует точно определить не представляется возможным [См.: 16, с. 305]. У античных мыслителей и врачей существуют многочисленные варианты местоположения и телесного воплощения души, но если следовать научной строгости и доказательному принципу, то пожалуй, можно остановиться на честной и ответственной позиции Галена: «Об этом точно не известно».

Итак, для античной культуры характерно отношение к телу как природой сформированному и природой регулируемому; тело – материальная данность, для значительной части мыслителей и врачей тело является воплощением и вместилищем души; оно содержит потенциал гармоничного существования, нуждается в тренировке и уходе; руководствуясь разумом индивид способен поддерживать это гармоничное существование, в случае нарушения гармонии, задача лекаря «не навредить» природе, способствующей излечению.

Отметим, что никто из рассматриваемых авторов не представляет тело в полное единоличное распоряжение индивида, не трактует тело и телесность в качестве объекта собственности, речь ведется о непротиворечивом гармоничном единстве человека и природы, тела и души, индивида и мира, о сочетании медицинских и духовных методов воздействия на тело и необходимости внимательного к нему отношения.

Средние века

Значительные изменения в отношении к телу в философии, социальной практике и медицине фиксируются вместе с приходом христианства. Анализируя их, мы будем исходить из историографической доминанты «теории сложности», которая в конце XX

века пришла на смену «теории конфликта» науки и религии [9, с. 16]. Отметим, что галенизм, зародившийся в Античности, оставался ведущим медицинским учением Средних веков. Факт комплиментарного восприятия галенизма христианством Н.П. Шок связывает с тем, что этико-философские взгляды Галена в своей целостности близки к христианскому пониманию соотношения и баланса духовного и телесного в человеке. [См.: 9, с. 17].

Эксперты отмечают: «Тело – в самой сердцевине христианского таинства» [2, с. 13]. Ключевое слово в разговоре о теле в Средневековье – двойственность. «Иисус обладает двойным происхождением, человеческой и божественной идентичностью.... Для христианина биологическое рождение, «плотское» происхождение, должно сопровождаться возродением, «духовным» происхождением» [2, с. 30]. И это духовное происхождение объясняется в терминах христианской доктрины. Тело рассматривается в новых смысловых координатах: с одной стороны, тело презирали, осуждали и унижали, а с другой – прославляли, ибо все пять чувств, благодаря христианскому догмату о воскресении тел будут приносить ему радость [См.: 1, с. 7–9]. За что же тело заслуживало презрения? В физическом теле аккумулируются эмоции, желания, страсти, все преходящее, скоротечное, конечное, губительное и гибельное, оно и страдает, и наслаждается, не знает ни в чем меры, ибо только человек среди всех живых существ может пить, не испытывая жажды и есть, не ощущая голода. Как известно, на пороге Средневековья Папа Григорий Великий назвал тело «отвратительным вместилищем души» [1, с. 7]. Вместе с тем, согласно христианской доктрине, Бог воплотился в тело Христа и человеческое тело обернулось «храмом Святого Духа» [См.: 1, с. 29]. Душа же содержит все вечное, совершенное, светлое, одним словом, метафизическое.

Безусловно, разделение мира на дух и материю, на духовное и физическое тело существовало и раньше, но если в Античности члены этой оппозиции стремились как бы навстречу друг другу, то в Средние века картина иная. «Тело столь же двойственно и непостоянно, как и его обладатель. Действительно, Церковь никогда не придерживалась единой точки зрения, и ее позиция в этом вопросе постоянно менялась» [2, с. 14]. В эту эпоху оппозиция между духовным и физическим была так велика, что считалось, что чем больше физических страданий претерпевает индивид, чем больше страдает его тело, тем более духовным он становится.

В христианстве пространство желаний как телесных страстей не может быть средоточием божественного света. Хотя Бог и наделил человека телом по милости своей, оно, тело, дано человеку для испытания доброй воли, силы веры, а вовсе не для наслаждения полнотой и гармонией земной жизни. Все физические аспекты жизни получают символическую интерпретацию в христианской догматике в перспективе вечности. Как это происходит мы можем увидеть в концентрированном виде страданий, истязаний, физических мук, и озарений, зафиксированных в «книжках откровений» и монастырских хрониках XIII–XIV вв.. Испытания Отенбахской страдальицы Элсбет фон Ойе, констанцского визионера Г. Сузо и др. поражали современников, но не меньшее впечатление могут произвести на читателя и в наши дни [См.: 18, с. 124, 127]. Естественным продол-

жением такой оценки телесного является стремление минимизировать его влияние на жизнь человека. Процесс двоякий: с одной стороны, уделять ему, телу, и его нуждам, как можно меньше внимания (например, некоторые лекари рекомендовали гигиенические процедуры «от Пасхи до Пасхи»), а с другой стороны, подчинить его духовному порядку в соответствии с календарем церковных практик (пост). Деятельность выпускников медицинских факультетов, но также и других врачей и фармацевтов по изучению и лечению тел метафорически представлена в трактате «Путешествие в мистические купальни» (1514 г.). В тексте целью лечения объявляется совершенство, тело и душа тесно связаны друг с другом, а медицинские процедуры и инструменты – ванны, парильни, банки, используемые Христом в образе лекаря, символизируют пост и бдения, благотворное страдание и эмблематическое обозначение исповеди [См.: 2, с. 29]. Обращение к аллегории в описании медицинской практики подчеркивает уровень ее развития и значимости в публичном пространстве и культуре эпохи.

«Soma», то есть тело, в Средневековье – это некая данность, существование которой сопряжено с божественным, управляется не конкретным индивидом, но как пишет В.В. Биbihин: «...весь человек сосредотачивается на отдании себя и оказывается нужен только для этого действия отдания. Тело вручается не тому, кто связан с телом. Такой был бы непригоден править телом, тем более вернуть его от смерти к жизни. Телом по настоящему управит тот, кто телом не связан» [19, с. 292]. О том, чтобы полагать тело как собственность или заслугу индивидуальных усилий, не может быть и речи.

Как мы видим, от прежней гармонии как конститутивного принципа существования тела и отношения к нему фокус внимания переносится на источник гармонии, где место природы занимает Бог. Теперь Он санкционирует терпеть страдания, варьируя их интенсивность и частоту [20], Он врачеватель-фармацевт и тела, и души, Он и цель, и исток, и условие существования как физического, так и духовного. И это не отменяло, а по-своему стимулировало развитие медицинской теории и практики.

Ренессанс

Пожалуй, наиболее известный текст эпохи Ренессанса – «Речь о достоинстве человека» (1486 г.) Пико делла Мирандолы – может послужить точкой отсчета для осмысления заявленной темы в этот период. Образ человека, которому самому предстоит определять соотношение небесного и земного, физического и метафизического, плотского и духовного в своем бытии, да еще и оценивать красоту и совершенства мира, сотворенного Богом, позволяет допустить, что за гармонию бытия конкретного индивида может нести ответственность он сам. Метафоры «рук и ног души» автор «Речи» объединяет в «чувственную часть, в которой заключен соблазн тела, как говорят, силой пленяющий душу». Человеку предстоит «омыть» эту часть в философии морали, а образцы искать под сенью теологии, при этом непрестанно упражняясь в диалектике. Творчество человеком самого себя и собственного существования санкционируется высшими силами любого традиционного учения. Не случайно автор обращается не только к христианству, но и к греческой философии, исламу, иудаизму, зороастризму. Цельность, единство духовного и физического модусов существования человека становится достижимым,

если человек определяет свою жизнь в координатах четырех потоков, которыми омывается Рай: справедливость, искупление, просвещение и благочестие [См.: 21, с. 252–265].

Образец гармонии, созданной человеком в репрезентации самого себя, мы видим в Витрувианском человеке Леонардо Да Винчи. Целостность и точность изображения тела художником, органическое единство тела становится образцом художественной целостности любого произведения искусства. При этом «участие художников в анатомической иконографии становится возможным в силу убеждения, что иллюстрация играет существенную роль в устройстве знания» [2, с. 244]. Отметим, что набор само собой разумеющихся идей для людей этой эпохи включал связи тела со вселенной, о чем упоминает знаменитый доктор медицины – Везалий [См.: 2, с. 251].

Опытные исследования в области анатомии легли в основу рисунков Да Винчи, а последовавший за этим золотой век анатомии позволил медицине накопить существенный багаж соответствующих действительности знаний о физическом теле и здоровье. Тело предстает для человека эпохи Возрождения как данность, которую можно усовершенствовать, привести в гармоничное состояние через физические упражнения и режим питания, сна и отдыха, тело предстает как поле приложения творческих сил и способностей и требует волевых усилий. Здоровье в этот период представляется как состояние всегда ненадежного и хрупкого равновесия, которое необходимо поддерживать через искусство жить в согласии с природой, жить так, чтобы внутренняя гармония была созвучна внешней. Например, весной следует с особым усердием подвергать организм очистительным процедурам, а летом необходимо избегать горячих блюд. Исследуя картины реальности в истории медицины А.М. Сточик и С.Н. Затравкин отмечают: «Практические рекомендации в отношении «сохранения здоровья и предупреждения болезней» носили ярко выраженный индивидуальный характер, состояли в разработке предписаний в отношении режимов труда и отдыха, диет, гимнастики, массажа и др. с учетом особенностей «натуры» человека» [8, с. 83]. Но, безусловно, говорить об этом как об основном направлении развития врачебного искусства в эпоху Возрождения не приходится. Исследователи отмечают, что для Ренессанса «..человеческое тело служит основой масштаба и конструкции фигуративного места «истории», точно также как «история» мыслится как тело, занимающее общее место» [2, с. 321]. Проблематизация тела в эпоху Ренессанса существенно отличается от предшествующих эпох и вместе с тем сохраняет некоторую общность, в частности, видение тела в двойной проекции физического и духовного.

Новое время

Такое разделение вошло в культуру и телесные практики Нового Времени и нашло отражение в философском дискурсе и в социальной практике. Своеобразный «зачин» новоевропейского взгляда на телесность мы обнаруживаем в тексте английского врача Томаса Сиденгама (1676 г.): «Врач, желающий представить историю болезни... должен максимально точно указать информацию о мельчайших деталях болезни – естественных и ясных, уподобляясь тем самым художнику, заботливо воспроизводящему в своих портретах тончайшие черты» [цит. по: 3, с. 15]. Звучат требования точности и ясности, наиболее ярко проявляющиеся в философии Декарта. Исследователи отмечают: «В

картине мира живой природы Декарта не было ничего, кроме механистического перемещения частиц, лишенных каких бы то ни было особых качеств... все разнообразие многочисленных проявлений жизнедеятельности поставлено в зависимость от особенностей анатомического устройства человеческого тела» [22, с. 84]. Само тело признавалось простым механическим устройством, не имеющим принципиальных отличий от машин, построенных человеком [23]. Но это машина, которая чрезвычайно сложна для понимания. Ж.О. Ламетри пишет: «Человек – настолько сложная машина, что совершенно невозможно составить себе о ней ясную идею, а следовательно, дать точное определение... Поэтому только путем исследования *a posteriori*, т. е. пытаясь найти душу как бы внутри органов тела, можно не скажу открыть с полной очевидностью саму природу человека, но достигнуть в этой области максимальной степени вероятности» [24, с. 180]. Приведенные взгляды сохраняют актуальность на протяжении всей эпохи Просвещения и Модерна.

Авторитет опыта и наблюдения как методов познания реальности возрастает в XVIII в. до невероятной высоты, и в практике воплощается завет Декарта, что «одна только медицина способна вместе с телом изменять дух и нравы» [24, с. 180]. В соответствии с этой установкой трансформируется и медицинская практика в которой гармония трактуется как согласованность «работы» частей машины – человеческого тела. Как пишет О.В. Попова, привлекая мысль М. Эннафа: «В теле-машине остается лишь данность слепого материального порядка, называемого «природой», которому благоразумно подчиниться, сохраняя при этом чувство юмора» [6, с. 157], [25, с. 53].

Тело оказывается орудием, которое необходимо беспрестанно пользоваться, виды использования различаются в зависимости от экономического положения индивида и его пола. Так, для высших слоев общества – это использование, своеобразная «работа» тела организуется в форме тренировки и специфических форм досуга, требующих значительных физических усилий, например, охота, путешествия, конные прогулки. В социальных практиках проявляется движение от народных жестких игр и развлечений к формированию спорта, в котором эксперты отмечают прежде всего организованность, систематизацию правил и порядка: «Больше и речи быть не могло о том, чтобы позволить человеку дать волю своим жестоким инстинктам» [3, с. 281]. Интерес к физической силе, ее проявлениям и способам обретения радикально отличается от прежних эпох: «Действие направлено отныне не на объект, оно не служит преобразованию предмета; его единственная и главная цель – трансформация тела» [3, с. 273]. Позднее, в XIX в., в культуре денди телесному совершенству придается особое значение: «Денди обменивает звание и общественное положение – ценности, почитаемые аристократией, – на физическую и индивидуальную ценность человеческого тела» [3, с. 269].

В связи с научными достижениями и открытиями в физике, биологии, химии постепенно совершается переход от торжества механического воззрения на тело, к более широкому взгляду: «Тело перестало восприниматься как «закрытая» структура, как постройка, которая ограничена движением рычагов и ключ которой отныне можно подбирать только с помощью механики и функциональной анатомии.... Отныне тело – это

пространство, где перерабатывается энергия [3, с. 315]. Тело детализируется, изучается в различных научных направлениях, становится объектом многочисленных экспериментов, набирают силу клиническая медицина и физиология, запускается процесс «дробления» тела ради более точного его описания [См.: 3, с. 13]. Значимое место в медицинских исследованиях занимают второстепенные ранее аспекты личного здоровья в связи с социальным окружением и социальными практиками, происходит апелляция к личной ответственности, центральному понятию нового либерального общества [См.: 3, с. 38].

Связь между физическим и духовным телом индивида в эпоху Просвещения определяется модной в те годы «новой антропологией» и биодетерминизмом, согласно которым телесная конструкция человека определяет его духовно-моральное (личностное) развитие [26, с. 63]. Динамичная смена картин реальности в медицине XVIII–XIX в. в. приводит исследователей к заключению о том, что к концу XIX в. «организм человека стал рассматриваться как сложнейшая саморегулирующаяся биологическая система, обладающая относительно высокой устойчивостью к внешним возмущениям благодаря наличию множества защитно-приспособительных механизмов сохранения своей специфичности в изменяющихся условиях окружающей среды» [8, с. 92].

На пороге XX в. Пьер де Кубертен, создатель современного Олимпийского движения сделал уникальное предложение – «санаторий для здоровых людей». Суть этого проекта заключалась в такой организации жизни и деятельности здоровых людей, которая бы увеличивала их физические кондиции и возможности. «Никогда прежде речь не шла возможности преобразовывать здоровое тело, совершенствовать его, направлять в будущее, в сторону прогресса» [3, с. 317]. В этой идее мы фиксируем принципиальное новшество – здоровье оказывается не только ресурсом конкретного индивида в настоящем, но может рассматриваться как поле временных, финансовых и иных инвестиций в будущее. Важнейшая часть медицины – этиология, обращенная в прошлое, достраивается целенаправленной прогностической работой с телом и темой здоровья в целом.

Речь идет о появлении на горизонте социальной реальности индивида как субъекта, не просто оперирующего телом, но определяющегося им. Телесность и тело выдвигаются в авангард научных интересов, оказываются отправной точкой в самоопределении индивида, попадают в список ресурсов, требующих разумного распоряжения, а лучше – умножения. Вот что отмечает Ф. Ницше: «Человеческое тело, в котором снова оживает и воплощается как самое отдаленное, так и ближайшее прошлое всего органического развития, через которое как бы бесшумно протекает огромный поток, далеко разливаясь за его пределы, – это тело есть идея более поразительная, чем старая «душа»» [27, с. 306].

Тело становится объектом, который принадлежит индивиду. В работах мыслителей появляется дискурс «данности тела». Вот как в середине XX века М. Мерло-Понти фиксирует изменение философской оптики видения тела в рамках феноменологического подхода: «Наше столетие стерло границу между «телом» и «духом» и признало, что человеческая жизнь, будучи от начала до конца и духовной, и телесной, всегда опирается на тело. ... XX век восстановил и углубил понятие плоти, то есть одушевленного тела» [28, с. 261].

Таким образом, можно утверждать, что взгляд на тело как объект собственности индивида, формируется только в XX в. Произведенная историческая реконструкция отношения к телу с опорой на философские, социальные и медицинские источники, показала как именно происходила эмансипация тела в культуре, постепенно высвобождая его от метафизических доминант. И в социальной практике, и в культуре укрепляется видение тела как инструмента, как ресурса, как опоры индивида. Трансформация отношения к телу синхронизирована с периодами европейской культурной истории и динамикой развития медицины. Очевидно, что процесс эмансипации тела продолжается, что, в свою очередь, открывает перспективы новых исследований.

На сегодня индивид оказывается в уникальной ситуации. Тело, его содержание, состояние и положение по-прежнему находится в фокусе внимания культуры, общества, государства, состоятельность тела, его функционирование в публичном пространстве регламентируется через массу соответствующих норм и практик. И вместе с тем, впервые в истории, индивид объявляет себя как собственник тела, чье состояние и перспективы могут находиться в его ведении, воли, власти и ответственности. Интенсивное развитие медицины в части трансплантологии, донорства и апгрейда телесности формирует новые горизонты самопонимания индивида в поисках ответа на вопрос О. Мандельштама «Дано мне тело – что мне делать с ним...».

Список литературы

1. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в Средние века / Жак Ле Гофф, Николя Трюон. – М.: Текст, 2016. – 189 с.
2. История тела: В 3-х т. Т.1. От Ренессанса до эпохи Просвещения. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 480 с.
3. История тела: В 3 т. Т.2: От Великой французской революции до Первой мировой войны. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 384 с.
4. История тела: В 3 т. Т.3: Перемена взгляда: XX век. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 464 с.
5. Торопова А.А. Философия телесности. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2024. – 256 с.
6. Попова О.В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования: монография / О.В.Попова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. – 336 с.
7. Рахманинова М. Власть и тело / Рахманинова М. – Издание второе, дополненное. – Москва: Радикальная теория и практика, 2020. – 456 с.
8. Сточик А.М, Затравкин С.Н. Картины реальности в медицине XVII–XIXвв. // Вопросы философии. 2013. №8. С.80–95.
9. Шок Н.П. Античная традиция и раннехристианское мировоззрение в теории и практике Римской медицины I–III веков. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.10. История науки и техники. Томск, 2014. 45 с.
10. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2 кн.

- Кн. 1. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 832 с.
11. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма. – М.: Мысль, 1993. 959 с.
  12. Лосев А. Ф. История античной эстетики. – М., 1963.
  13. Шанин Ю.В. История античного атлетизма. – СПб., 2017.
  14. Антология мировой философии. – М., 1969. Т. 1.
  15. Платон. Горгий. В кн.: Платон. Соч.: В 3-х томах / Под общей редакцией А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1968–1972.
  16. Гален. О моих воззрениях. Пер. Е.В. Афонасина. – Томск, 2016. С.280–307.
  17. Килборн Б. Неправильное понимание трагического: зависть, стыд и страдание. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. – 336с.
  18. Реутин М.Ю. Немецкая мистика Средневековья. Жизнь во Христе как перформативная практика // Вопросы философии. 2014. №9. С.121–134.
  19. Биbihин В.В. Язык философии. – СПб.: Наука, 2007.
  20. Массовые психозы и перформативные практики позднего Средневековья. Избранные переводы с латинского и средневерхненемецкого М.Ю.Реутина // Вопросы философии. 2014. №9. С.134–145.
  21. Пика делла Мирандола Джованни. Речь о достоинстве человека. // Эстетика Ренессанса: В 2т. М.: Искусство, 1981. Т.1. С.248–265.
  22. Фишер К. История Новой философии. Декарт: Его жизнь, сочинения и учение. – СПб.: Мифрил, 1994. – 560с.
  23. Декарт Р. Описание человеческого тела. Об образовании животного // Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т.1. М., 1989.
  24. Ламетри Ж.О. Человек–машина. В кн.: Ламетри Ж.О. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Издательство «Мысль», 1983. – С. 169–226.
  25. Энафф М. Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. – 448с.
  26. Верена Э.-Х. К вопросу о становлении концепции женственности в буржуазном обществе 18в. // Пол. Гендер. Культура: немецкие и русские исследования : в 3 т.: пер.с нем. М.: РГГУ, Т.1.
  27. Ницше Ф. Воля к власти. – Киев, 1994.
  28. Мерло-Понти М. Знаки. – М.: Искусство, 2001. – 429с.

Сведения об авторе

Болотникова Елена Николаевна – кандидат философских наук, г.Самара, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Самарский государственный медицинский университет», доцент кафедры философии и культурологии.

E-mail: e.n.bolotnikova@samsmu.ru

Bolotnikova E. N.

THE TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF HUMAN BODY IN THE HISTORY OF WESTERN CULTURE

Abstract: *The relevance of the topic of the body in philosophy is associated among other things with the growth of medical innovations that transform the idea of the body in public discourse. Technical capability and the level of medicine put an individual before a choice in situations that were previously impossible. And these situations affect the interests of an increasing number of people. Making a choice presupposes the existence of grounds. The text analyzes the transformation of the image of corporeality in the history of Western culture. The topic is considered with the involvement of philosophical concepts, medical theories and approaches to the body and health. A significant corpus of primary sources and critical literature is analyzed, studies of both Russian and European authors are involved. A historical reconstruction of the attitude to the body in the public space is made, ideas about the body and the functions of the body in social practices are analyzed. Dominant attitudes towards the body in culture and medicine were identified in chronological order. It has been determined that the mechanistic view of the body at the beginning of the 20th century gave way to a phenomenological approach, in which the conversation about the body and corporeality is conducted in the perspective of answering the question about the owner of the body. The body appears as a tool, resource and support for the modern individual*

Key words: *body, corporeality, spiritual, subject, integrity, harmony, property.*

References

1. Le Goff ZH., Tryuon N. Istoriya tela v Sredniye veka [History of the Body in the Middle Ages] / Zhak Le Goff, Nikolya Tryuon. – M.: Tekst, 2016. – 189p. (In Russian).
2. Istoriya tela: V 3-kh t. T.I. Ot Renessansa do epokhi Prosveshcheniya.[History of the body: In 3 volumes. T.I. From the Renaissance to the Age of Enlightenment].– M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2012. – 480p. ((In Russian).
3. Istoriya tela: V 3-kh t. T.2: Ot Velikoy frantsuzskoy revolyutsii do Pervoy mirovoy voyny.[History of the Body: In 3 volumes. Vol. 2: From the Great French Revolution to the First World War]. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2023. – 384p. (In Russian).
4. Istoriya tela: V 3 t. T.3: Peremena vzglyada: XX vek.[History of the Body: In 3 volumes. Vol. 3: Change of View: XX Century]. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. – 464p. (In Russian).
5. Toporova A.A. Filosofiya telesnosti [The Philosophy of Corporeality]. – M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2024. – 256p.
6. Popova O.V. Telo kak territoriya tekhnologiy: ot sotsial'noy inzhenerii k etike biotekhnologicheskogo konstruirovaniya: monografiya [The Body as a Territory of Technologies: From Social Engineering to the Ethics of Biotechnological Design:]. – M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2020. – 336p. (In Russian).

7. Rakhmaninova M. Vlast' i telo [Power and the Body]. – Izdaniye vtoroye, dopolnennoye. – Moskva: Radikal'naya teoriya i praktika, 2020. – 456p. (In Russian).
8. Stochik A.M, Zatravkin S.N. Kartiny real'nosti v meditsine XVII–XIXvv [The Pictures of Reality in Medicine XVII–XIXvv.] // Voprosy filosofii. 2013. №8. P.80–95.
9. Shok N.P. Antichnaya traditsiya i rannekhristskoye mirovozzreniye v teorii i praktike Rimskoy meditsiny I–III vekov. [Ancient tradition and early Christian worldview in the theory and practice of Roman medicine of the 1st–3rd centuries]. Avtoreferat na soiskaniye uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk po spetsial'nosti 07.00.10. Istoriya nauki i tekhniki. Tomsk, 2014. 45p.
10. Losev A.F. Istoriya antichnoi estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya [History of Ancient Esthetics. Results of a Thousand-Year Development]. V 2 kn. Kn. 1. – Khar'kov: Folio; M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2000. – 832p.
11. Losev A.F. Ocherki antichnogo simbolizma [Essays on Ancient Symbolism]. – M.: Mysl', 1993. 959p.
12. Losev A. F. Istoriya antichnoi estetiki [History of Ancient Esthetics]. – M., 1963.
13. Shanin Yu.V. Istoriya antichnogo atletizma [History of Ancient Athleticism]. – SPb., 2017.
14. Antologiya mirovoi filosofii [Anthology of World Philosophy]. – M., 1969. T. 1.
15. Platon. Gorgiy. V kn.: Platon. Soch.: V 3-kh tomakh.T.1 [Gorgias. In the book: Plato. Works: In 3 volumes. Vol.1] / Pod obshechey redaktsiyey A. F. Loseva i V. F. Asmusa. M.: Mysl', 1968–1972. P. 255–367. (In Russian).
16. Galen. O moikh vozzreniyakh [About My Views]. Per.E.V.Afonasina. – Tomsk, 2016. P.280–307.(In Russian).
17. Kilborn B. Nepravil'noe ponimanie tragicheskogo: zavist', styd i stradanie [Misunderstanding the Tragic: Envy, Shame and Suffering]. – M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2022. – 336p.(In Russian).
18. Reutin M.YU. Nemetskaya mistika Srednevekov'ya. Zhizn' vo Khriste kak performativnaya praktika [German Mysticism of the Middle Ages. Life in Christ as a Performative Practice] // Voprosy filosofii. 2014. №9. P.121–134.
19. Bibikhin V.V. Yazyk filosofii [The Language of Philosophy]. – SPb.: Nauka, 2007. (In Russian).
20. Massovyye psikhozy i performativnyye praktiki pozdnego Srednevekov'ya. Izbrannyye perevody s latinskogo i sredneverkhnemetskogo M.YU.Reutina [Mass Psychoses and Performative Practices of the Late Middle Ages. Selected Translations from Latin and Middle High German by M.Yu.Reutin] // Voprosy filosofii. 2014. №9. P.134–145.
21. Pika della Miranda Dzhovanni. Rech' o dostoinstve cheloveka.[Speech on the dignity of man] // Estetika Renessansa: V 2t. M.: Iskusstvo, 1981. T.1. P.248–265. (In Russian).
22. Fisher K. Istoriya Novoy filosofii. Dekart: Yego zhizn', sochineniya i ucheniye. [History of New Philosophy. Descartes: His Life, Works, and Teachings] – SPb.: Mifril, 1994. – 560p. (In Russian).

23. Dekart R. Opisanie chelovecheskogo tela. Ob obrazovanii zhivotnogo [The Description of the Human Body. On the Formation of the Animal] // Dekart R. Sochineniya v dvukh tomakh. T.1. M., 1989. (In Russian).

24. Lametri ZH.O. Chelovek-mashina. V kn.: Lametri ZH.O. Sochineniya. – 2-ye izd. [Man-machine. In the book: La Mettrie J.O. Works] – M.: Izdatel'stvo «Mysl'», 1983. – P. 169 – 226. (In Russian).

25. Enaff M. Markiz de Sad: Izobreteniya tela libertena. [Marquis de Sade: The Invention of the Libertine Body] – SPb.: ITS «Gumanitarnaya Akademiya», 2005. – 448p. (In Russian).

26. Verena E.-Kh. K voprosu o stanovlenii kontseptsii zhenstvennosti v burzhuaznom obshchestve 18v. [On the Question of the Formation of the Concept of Sacrifice in Bourgeois Society 18v] // Pol. Gender. Kul'tura: nemetskie i russkie issledovaniya : v 3 t.: per.s nem. M.: RGGU, T.1.

27. Nitsshe F. Volya k vlasti. [The Will to Power]. – Kiyev, 1994. (In Russian).

28. Merlo-Ponti M. Znaki.[Signs] – M.: Iskustvo, 2001. – 429p. (In Russian).

Bolotnikova Elena Nikolaevna – candidate of philosophical sciences, Samara, associate professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Federal State Budgetary Educational Institution «Samara State Medical University».

E-mail: e.n.bolotnikova@samsmu.ru